

Приложение

Отрывки из текстов по австрийской экономической школе

Это приложение содержит три отрывка из работ, имеющих ключевое значение для истории экономической мысли, в которых обсуждается австрийская школа экономической теории. Мы предлагаем их как основу для возможного текстологического анализа. В качестве примера такового мы включили краткий комментарий к первому цитируемому отрывку.

Логическая экономика против математической экономики

Ниже мы приводим несколько важных отрывков из главы 16 (о ценах) экономического трактата Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность». Мизес рассматривает антагонизм между сторонниками логического и математического направлений в экономической науке как нечто большее, чем простое разногласие по поводу предпочтительного метода экономических исследований. Речь идет о самих основаниях экономической теории. Либо мы сводим объект нашего анализа к состоянию равновесия, и в таком случае можно использовать математические методы, либо делаем главным объектом исследований рыночный процесс, и в этом случае математические методы не только неприменимы, но и противопоказаны. Прочтите, что говорит об этом сам Мизес.

«Проблема цен и издержек исследуется и с помощью математических методов. Всегда существовали экономисты, которые считали, что единственным подходящим методом изучения экономических проблем являются математические методы, и высмеивавшие экономистов-логиков как «литературных» экономистов.

Если бы антагонизм между экономистами сторонниками логики и математики представлял собой просто разногласия относительно наиболее адекватных процедур, которые

следует применять в экономическом исследовании, то было бы излишним уделять этому особое внимание. Лучший метод доказал бы свое преимущество, приводя к лучшим результатам. Возможно, разнообразие процедур было бы необходимо для решения разных проблем, и для некоторых из них один метод был бы более полезным, чем для других.

Однако это не полемика по поводу эвристических вопросов, а спор, затрагивающий основы экономической науки. Математические методы должны быть отвергнуты не только по причине их бессодержательности. Это абсолютно порочный метод, отталкивающийся от ложных предпосылок и ведущий к ошибочным выводам. Его силлогизмы не просто бесплодны; они уводят мысль от изучения реальных проблем и искажают взаимосвязи между явлениями.

Идеи и методики экономистов математического направления неоднородны. Существуют три течения, которые следует рассматривать отдельно друг от друга.

Первое представлено статистиками, которые стремятся обнаружить экономические законы, изучая экономический опыт. Они стремятся трансформировать экономическую теорию в «количественную» науку. Их программа сконцентрирована в девизе Эконометрического общества: «Наука — это измерение».

Фундаментальная ошибка, содержащаяся в этом рассуждении, показана выше. Опыт экономической истории — это всегда опыт сложных явлений. Сообщаемое им знание никогда не аналогично знанию, извлекаемому экспериментатором из лабораторного эксперимента. Статистика — это метод представления исторических фактов, касающихся цен и другой необходимой информации о человеческой деятельности. Она не является экономической наукой и не может вырабатывать экономические теоремы и теории. Статистика цен является экономической историей. Понимание того, что *ceteris paribus* увеличение спроса должно привести к повышению цен, получено не на основе опыта. Никто и никогда не был и не будет в состоянии наблюдать изменение одной рыночной переменной *ceteris paribus*. Никакой количественной экономической науки не существует. Все

экономические величины, которые нам известны, являются данными экономической истории. Ни один разумный человек не будет настаивать на том, что связь между ценой и предложением в целом или предложением конкретного товара является постоянной. Наоборот, нам известно, что внешние явления оказывают разное влияние на разных людей, что реакции одних и тех же людей на одни и те же внешние события меняются и что индивидов невозможно объединить в классы людей, реагирующих одинаково. Это понимание является продуктом нашей априорной теории. Сторонники эмпиризма отвергают эту теорию. Они делают вид, что стремятся получать знания только из исторического опыта. Однако они вступают в противоречие со своими собственными принципами, как только выходят за рамки чистой регистрации отдельных единичных цен и начинают строить ряды данных и вычислять средние. Данным опытом и статистическим фактом является только цена, уплаченная в определенное время и в определенном месте за определенное количество конкретного товара. Группировка различных цен и вычисление средних значений направляются теоретическими рассуждениями, которые логически и во времени этому предшествуют. Степень учета сопутствующих обстоятельств и привходящих моментов, относящихся к рассматриваемым ценам, зависит от такого же теоретического рассуждения. Никто еще не набрался смелости заявить, что увеличение предложения любого товара на a процентов должно всегда — в любой стране и в любое время — привести к падению его цены на b процентов. Но так как ни один сторонник количественной экономической теории еще не рискнул на основе статистического опыта точно специфицировать условия, вызывающие отклонение от отношения $a:b$, то тщетность их усилий очевидна. Более того, деньги не являются единицей измерения цен. Они — средство, меновое отношение которого также меняется, хотя, как правило, не с той же скоростью и не в той степени, в какой меняются взаимные меновые отношения товаров и услуг. Вряд ли есть необходимость в дальнейшем развенчании претензий количественной экономической

науки. Несмотря на громкие заявления ее защитников, для реализации ее программы не было сделано ничего. Последние свои исследования Генри Шульц посвятил измерению эластичности спроса на различные товары. Профессор Пол Г. Дуглас оценил результат исследований Шульца как «работу, столь же необходимую, чтобы помочь сделать экономическую теорию более или менее точной наукой, как определение атомных весов для развития химии». Но все дело в том, что Шульц не занимался определением эластичности спроса на любой товар как таковой. Данные, на которые он опирался, были ограничены определенными географическими областями и историческими периодами. Его результаты для конкретного товара, например картофеля, относятся не к картофелю вообще, а к картофелю в Соединенных Штатах в период с 1875 по 1929 гг. В лучшем случае это весьма сомнительный и неудовлетворительный вклад в различные разделы экономической истории. Это безусловно не шаг в направлении реализации запутанной и противоречивой программы количественной экономической науки. Необходимо подчеркнуть, что представители двух других направлений математической экономической теории полностью осознают всю бесполезность количественной экономической науки. Свидетельством этого является тот факт, что они еще ни разу не рискнули ввести в свои формулы и уравнения величины, определенные эконометристами, и тем самым использовать их для решения конкретных проблем. В сфере человеческой деятельности не существует других средств трактовки будущих событий, кроме обеспечиваемых пониманием.

Вторая область, изучаемая экономистами математического направления, это отношение между ценами и издержками. Занимаясь этими проблемами, они игнорируют работу рыночного процесса и, более того, делают вид, что абстрагируются от использования денег, присущего любому экономическому вычислению. Но когда они говорят о ценах и издержках в целом и сопоставляют цены и издержки, они молчаливо подразумевают существование и использование денег. Цены всегда являются денежными ценами, а из-

держки невозможно учесть в экономическом расчете, если они не выражены на языке денег. Если не пользоваться языком денег, то издержки выражаются комплексом разнородных товаров и услуг, которые необходимо затратить, чтобы получить конечный продукт. С другой стороны, цены, если этот термин вообще применим к любым меновым отношениям, определяемым прямым товарообменом, представляют собой перечисление количеств разнообразных товаров, на которые «продавец» может обменять определенный запас. Товары, к которым относятся эти «цены, не совпадают с товарами, к которым относятся «издержки». Сравнение цен и издержек, выраженных в натуральной форме, невозможно. То, что продавец ценит товары, которые он отдает, меньше, чем те, которые получает в обмен на них; продавец и покупатель расходятся в субъективных оценках двух обмениваемых товаров; предприниматель займется реализацией проекта только в том случае, если ожидает получить за произведенную продукцию товары, которые он ценит выше, чем потраченные на ее производство, все это нам уже известно из праксиологических размышлений. Именно это априорное знание позволяет нам предвидеть поведение предпринимателя, имеющего возможность воспользоваться экономическим расчетом. Но экономист-математик обманывается, считая, что исключение любого упоминания денег позволяет решить эти проблемы в более общем виде. Бессмысленно исследовать примеры несовершенной делимости факторов производства без ссылок на экономический расчет в денежном измерении. Такое исследование никогда не выйдет за рамки уже имеющегося знания, заключающегося в том, что любой предприниматель стремится производить такие изделия, продажа которых принесет ему выручку, которую он ценит выше, чем весь комплекс благ, израсходованных на их производство. Однако если не существует косвенного обмена и нет общеупотребительного средства обмена, то он имеет шанс добиться успеха, только обладая сверхчеловеческими умственными способностями. Ему необходимо одним взглядом охватить все меновые отношения, установившиеся на рынке, и в соответствии с ними точно определить должное

место каждому товару.

Невозможно отрицать, что все исследования, касающиеся соотношения цен и издержек, предполагают как использование денег, так и рыночный процесс. Но приверженцы математической экономической теории закрывают на это глаза. Предполагается, что их уравнения и графики описывают реальную действительность. На самом деле они описывают лишь гипотетическое и неосуществимое положение, не имеющее ничего общего с рассматриваемыми каталлактическими проблемами. Они подставляют алгебраические символы вместо ясных денежных терминов и считают, что эта процедура делает их рассуждения более научными. Это производит сильное впечатление на доверчивых обывателей. А фактически они просто вносят путаницу и неразбериху в вопросы, удовлетворительная трактовка которых дается в учебниках по коммерческим вычислениям и бухгалтерскому учету.

Некоторые из этих математиков заходят так далеко, что заявляют о возможности осуществления экономического расчета на основе единицы полезности. Они называют свои методы анализом полезности. Их ошибка разделяется третьей разновидностью математической экономической науки.

Отличительной чертой представителей третьей группы является открытое и сознательное стремление решать проблемы каталластики безо всяких ссылок на рыночный процесс. Их идеал — перестроить экономическую теорию по образу механики. Они постоянно прибегают к аналогиям из классической механики, которая, по их мнению, является уникальной и совершенной моделью научного исследования. Нет нужды в очередной раз объяснять, почему эта аналогия является поверхностной и вводящей в заблуждение и чем целеустремленная человеческая деятельность радикально отличается от предмета механики — движения. Достаточно обратить внимание на один момент, а именно на практическую значимость дифференциальных уравнений в обеих областях.

Размышления, приводящие в итоге к формулированию уравнения, необходимо носят нематематический характер.

Формулирование уравнения представляет собой окончательное оформление нашего знания; непосредственно оно не увеличивает нашего знания. Хотя в механике уравнение может иметь большую практическую пользу. Поскольку существуют постоянные взаимосвязи между различными механическими элементами и поскольку эти взаимосвязи можно установить экспериментально, то становится возможным использовать уравнения для решения определенных технологических проблем. Наша промышленная цивилизация как раз и является результатом успешного использования дифференциальных уравнений в физике. Но между экономическими элементами таких постоянных взаимосвязей не существует. Уравнения, формулируемые математической экономической теорией, остаются бесполезной гимнастикой человеческого ума и оставались бы таковой, даже если бы выражали гораздо больше, чем они выражают на самом деле.

Здравое экономическое рассуждение никогда не должно забывать двух фундаментальных принципов теории ценности: во-первых, определение ценности, имеющее своим результатом действие, означает предпочтение и отклонение; оно никогда не означает равенства или безразличия. Во-вторых, не существует других методов сравнения оценок разных индивидов или оценок одних и тех же индивидов в разных ситуациях, кроме как установить, расположены ли рассматриваемые альтернативы в одинаковом порядке предпочтения.

В идеальной конструкции равномерно функционирующей экономики все факторы производства используются таким образом, что каждый из них приносит наибольшую пользу. Никакое мыслимое и возможное изменение не может улучшить состояние удовлетворения; ни один фактор не используется для удовлетворения нужды a , если это препятствует удовлетворению нужды b , которая считается более ценной, чем удовлетворение a . Безусловно, это идеальное состояние распределения ресурсов можно описать с помощью дифференциального уравнения и наглядно представить в виде графика. Но подобные построения ничего не

утверждают о рыночном процессе. Они просто намечают нереальную ситуацию, в которой рыночный процесс будет остановлен. Экономисты-математики не стремятся к целостному теоретическому объяснению рыночного процесса, а уклончиво забавляются вспомогательными понятиями, применяемыми в контексте этой ситуации и теряющими всякий смысл вне этого контекста.

В физике мы имеем дело с изменениями, происходящими в явлениях, воспринимаемых органами чувств. Мы отыскиваем регулярность в последовательности этих изменений, и эти наблюдения ведут нас к созданию физической науки. Нам ничего не известно о первичных силах, стимулирующих эти изменения. Для изучающего разума они суть конечная данность и не поддаются дальнейшему анализу. В результате мы видим регулярное взаимопереплетение наблюдаемых образований и свойств. Именно эту взаимную зависимость исходных фактов физика описывает в дифференциальных уравнениях.

Первый известный нам праксиологический факт состоит в том, что человек целенаправленно стремится вызвать определенные изменения. Именно это знание объединяет предмет праксиологии и отличает его от предмета естественных наук. Нам известны силы, лежащие в основе изменений, и это априорное знание ведет нас к постижению праксиологических процессов. Физик не знает, что такое электричество. Ему известны только явления, приписываемые тому, что называется электричеством. Но экономист знает, что приводит в действие рыночный процесс. И только благодаря этому знанию он может отличить рыночные явления от остальных явлений и описать рыночный процесс.

Экономист-математик никак не способствует объяснению рыночного процесса. Он просто описывает вспомогательное средство логической экономической теории как ограничивающее понятие — определение положения дел, при котором нет никакой деятельности, а рыночный процесс затухает. Это все, что он может сказать. Он переводит на язык алгебраических символов то, что логическая экономическая теория формулирует на словах, давая определение идеаль-

ным конструкциям конечного состояния покоя и равномерно функционирующей экономики, и что сам экономист-математик должен описать словами, прежде чем начнет собственно математическую работу.

Экономисты и логического, и математического направлений утверждают, что человеческая деятельность в конечном счете направлена на установление подобного состояния равновесия и достигнет его, если прекратятся всякие изменения исходных данных. Но логическому экономисту известно гораздо больше. Он показывает, каким образом деятельность предприимчивых людей, промоутеров и спекулянтов, стремящихся получить прибыль за счет несоответствий в структуре цен, уничтожает эту разницу и тем самым иссушает источники предпринимательских прибылей и убытков. Он показывает, каким путем этот процесс приведет к возникновению равномерно функционирующей экономики. В этом состоит задача экономической теории. Математическое описание различных состояний равновесия — просто игра. Проблема заключается в анализе рыночного процесса.

Сравнение двух методов экономического анализа помогает нам понять смысл часто звучащих пожеланий расширить границы экономической науки путем создания динамической теории вместо того, чтобы заниматься только статическими проблемами. В отношении логической экономической науки этот постулат лишен всякого смысла. Логическая экономическая наука по своей сути является теорией процессов и изменений. Она использует идеальные конструкции неизменности для объяснения феномена изменений. В математической экономической науке положение иное. Ее уравнения и формулы ограничены описанием состояния равновесия и бездействия. До тех пор, пока она пребывает в царстве математических процедур, она не может утверждать ничего относительно того, каким образом складываются эти состояния, и их перехода в другие состояния. В отношении математической экономической науки это пожелание весьма обосновано. Но у нее нет средств, чтобы выполнить это пожелание. Проблемы анализа процесса, т.е. единст-

венные экономические проблемы, которые имеют значение, не поддаются какому бы то ни было математическому подходу. Введение в уравнения переменных времени — это не выход. Утверждения о том, что любое изменение предполагает время и что изменение всегда встроено во временную последовательность, представляют собой просто способ выразить тот факт, что поскольку присутствует жесткость и неизменность, постольку времени не существует. Основной недостаток математической экономической науки не в том, что она игнорирует ход времени, а в том, что она игнорирует функционирование рыночного процесса.

Математическая экономическая теория не может показать, как из неравновесного состояния возникают действия, ведущие к установлению равновесия. Конечно, можно указать математические операции, требующиеся для преобразования математического описания конкретного неравновесного состояния в математическое описание равновесного состояния. Но эти математические операции никоим образом не описывают рыночный процесс, порожденный несоответствиями структуры цен. Дифференциальные уравнения механики имеют целью точно описать рассматриваемые движения в любой проходящий момент времени. Экономические уравнения не имеют никакого отношения к реальным условиям, существующим в каждое мгновение временного интервала между неравновесным и равновесным состояниями. Только люди, полностью ослепленные предубеждением, что экономическая теория должна представлять собой бледную копию механики, могут недооценивать весомость этого возражения. Крайне несовершенная и поверхностная метафора не заменяет услуг, оказываемых логической экономической наукой.

В любом разделе каталлактики можно обнаружить разрушительные последствия математической трактовки экономической науки. Достаточно сослаться всего на два примера. Первый из них — это так называемое уравнение обмена, представляющее собой тщетные попытки экономистов-математиков решить проблему изменений покупательной способности денег. Второй лучше всего представить ссылкой

на авторитетное высказывание профессора Шумпетера, согласно которому потребители, оценивая потребительские товары, “*ipso facto* также оценивают и средства производства, участвующие в создании этих товаров”. Вряд ли возможно более искаженно представить рыночный процесс.

Предмет экономической науки — не товары и услуги, а деятельность живых людей. Ее цель — не распространяться по поводу идеальных конструкций типа равновесия. Единственная задача экономической науки анализ деятельности людей, процессов».

Л. фон Мизес

Человеческая деятельность:
Трактат по экономической науке
Челябинск.: 2005,
Социум. С. 329—335

Комментарий

Во многих случаях использование математики является неизбежным результатом проведения эмпирических исследований в области экономической науки. В этом смысле использование статистических приемов следует рассматривать как метод исторических исследований, но не как инструмент развития экономической теории. В силу творческой природы человека любое эмпирическое знание всегда обусловлено историческими случайностями, так что нет гарантий, что в будущем оно останется неизменным. Поэтому для экономистов австрийской школы и, в частности, для Мизеса история, понимаемая как эмпирическое знание о реальности, хоть и очень важна в качестве надежного ориентира в понимании прошлых событий, но при этом способна служить лишь *иллюстрацией* действия теоретических законов экономической науки на примерах из реального прошлого. Однако на этом критика Мизесом использования математики не останавливается. Мизес отмечает, что даже экономисты математического толка для углубления своей теории неизменно используют логику, а уж только потом переводят свои идеи на язык математики и в таком формате представляют на суд читателей. При этом они утверждают, что использо-

вание математической записи делает язык более точным и упорядоченным, чем допускают логические рассуждения. Это утверждение крайне сомнительно. Словесные выражения могут иметь значительную степень гибкости и общности (что является несомненным преимуществом), оставаясь при этом не менее точными, чем математические. Источником большей общности вербального языка является, например, то, что он не скован ограничениями и автоматизмом, с которыми сопряжены математические операции. Поэтому легко понять, что если экономист математического толка сначала должен разработать свою теорию логически, чтобы потом выразить ее на языке математики, и при этом ему придется использовать правила логики для проверки выводов, следующих из его модели, то он нарушает великий научный принцип, согласно которому не следует умножать сущности без необходимости.

Впрочем, если бы единственное возражение против использования математики сводилось к экономии усилий, ее сторонники могли бы в свою защиту сослаться на соображения эстетики или академического престижа. Следует заметить, однако, что Мизес отвергает математические методы в экономической теории не только из-за их неэффективности, но и потому, что они серьезно сдерживают прогресс в нашей науке. Как мы отметили в главе 1, представители австрийской школы рассматривают экономическую теорию как науку, имеющую дело с фактами реальной жизни — категориями человеческой деятельности, присутствующими в голове каждого человека и не имеющими ничего общего с формулами и другими элементами математического языка. Поэтому главная проблема с математикой заключается в том, что она пригодна для отражения только повторяющихся равновесных состояний, характерных для мира механики. Именно по этой причине математическая экономическая теория склонна к отрыву от реальности и к ограничению предмета своих исследований равновесными, или стационарными, экономическими моделями — ведь только они пригодны для анализа методами математики. Экономисты австрийской школы убеждены, что эта тенденция принесла большой

вред, потому что математические методы затемняют реальный предмет экономической науки. Экономическая наука должна заниматься исследованием человеческой деятельности, образующей рыночные процессы. Благодаря этим процессам рыночные экономики всегда стремятся к состоянию равновесия, но никогда его не достигают из-за постоянно меняющихся данных внешнего мира и прежде всего из-за творческой природы и предприимчивости человека, играющего ведущую роль в рыночных процессах. С точки зрения австрийцев, миссия экономиста заключается в изучении этих процессов, которые всегда толкают экономику к равновесию, но не самого равновесия, представляющего собой придуманную экономистами вспомогательную логическую конструкцию. Назначение этой конструкции только в том, чтобы с помощью сопоставлений и противопоставлений облегчать постижение динамических рыночных процессов. Поэтому понятно, что, с точки зрения Мизеса, математические методы следует отвергнуть не только как совершенно бесполезный, но и как вводящий в заблуждение инструмент, поскольку их использование опирается на ложные допущения (о существовании неизменных соотношений между экономическими переменными, о доступности всей необходимой информации и пр.) и ведет к ошибочным выводам (применимым только к отсутствующим в реальной жизни состояниям равновесия). Отсюда можно заключить, что математика отвлекает лучшие умы от подлинно экономических проблем и, что еще хуже, обрекает на ошибки.

Негативные последствия использования математики в экономической теории можно видеть практически во всех областях нашей науки. Например, теория «совершенной конкуренции» породила абсолютно нереалистичную модель, неспособную объяснить реальные рыночные процессы, которые одни только и должны интересовать экономистов. Точно так же «экономическая теория благосостояния» парадоксальным образом является попыткой оценить экономические реалии в свете модели, не имеющей отношения к реальной жизни, — модели общего равновесия. И последнее по порядку, но не по значению: существует проблема

экономического расчета при социализме, которую легионы математических экономистов считали разрешимой именно потому, что их модели и без того опирались на предположение о доступности всей информации, необходимой для составления соответствующей системы вальрасианских уравнений. Мы могли бы привести еще много примеров того, насколько экономическая наука нуждается в таком изменении парадигмы, которое бы направило исследователей в новом, более плодотворном направлении, прочь из трясины сциентизма.

Конкуренция как процесс открытия

Ниже мы приводим отрывок из третьего тома работы Ф. А. Хайека «Право, законодательство и свобода». В этом отрывке Хайек кратко намечает австрийское понимание конкуренции. Как мы объяснили в главах 1 и 2 этой книги, конкуренция понимается как динамический процесс соперничества, позволяющий предпринимателям создавать и находить наилучшие способы удовлетворения нужд потребителей. Благодаря творческой природе этого процесса мы не способны оценить его результаты, потому что не имеем критерия для выяснения того, в какой степени оптимальны эти результаты в каждом отдельном случае. Остается удовлетвориться непрерывностью — в благоприятном институциональном окружении — процесса, движущей силой которого является предпринимательство.

«В экономике, как и всюду, конкуренция — деликатная форма отношений, и к ней следует прибегать лишь в тех случаях, когда мы не знаем заранее, кто сделает работу лучше других. Только непосредственная деятельность, идет ли речь об экзаменах, спортивных соревнованиях или рынке, позволяет выяснить, кто в данный момент сильнее. При этом, конечно, каждый из соревнующихся может показать результаты ниже своих потенциальных возможностей — хотя, вообще говоря, соревнование один из эффективнейших способов обнаружения человеческих возможностей. Конкуренция по-

ощряет каждого делать работу лучше, чем его ближайший соперник. Если этот ближайший остается далеко позади, то лидер волен решать, какие усилия с его стороны являются чрезмерными. Только если преследователь наступает лидеру на пятки и лидер не знает, насколько он лучше преследователя, он, и оставаясь впереди, будет выкладываться полностью. И лишь в том случае, когда соперники слишком мало отличаются друг от друга и каждый стремится занять более высокое место — все они будут, так сказать, вытягиваться на цыпочках и смотреть через плечо, чтобы знать, не догоняет ли конкурент.

Таким образом, конкуренция, подобно эксперименту в науке, является прежде всего процедурой открытия. Ни одна теория, исходящая из допущения, что подлежащие открытию факты уже известны, не может оценить ее по достоинству. Поскольку вся совокупность фактов, известных или «данных», никогда не может быть учтена полностью (в начальных условиях имеется неустранимая неопределенность), то нам остается надеяться на ту процедуру, которая с большей вероятностью, чем другие уже известные нам схемы и процедуры, способна принять во внимание самое большее число полезных фактов, характеризующих конкретную ситуацию. Ошибка в выборе правильной политики на основе следующих из конкуренции результатов начинается с допущения, что все относящиеся к делу обстоятельства известны кому-то одному. На самом деле речь идет о том, чтобы обеспечить оптимальное использование знаний и навыков, рассеянных среди сотен тысяч людей и в своей полноте никогда не известных и недоступных одному человеку. Конкуренция должна рассматриваться как процесс приобретения и передачи знаний; предполагать, что все знание с самого начала доступно кому-то одному, значит превратить конкуренцию в нонсенс. Судить о конкретных результатах конкуренции по воображаемым результатам, к которым она, как нам кажется, должна привести, так же бессмысленно, как судить о результатах научного эксперимента по тому, насколько он соответствует нашим ожиданиям. Как и в научном эксперименте, результаты оце-

ниваются здесь исходя из условий эксперимента. Поэтому от конкуренции не следует ждать большего, чем от других способов экспериментирования, а именно, что она ведет к чему-то отличному от максимизации измеримых результатов. Она лишь позволяет в благоприятных условиях лучше использовать умения и навыки людей, чем это было бы возможно при использовании других процедур. При этом, хотя любое использование знаний и навыков может рассматриваться как материальный выигрыш и, следовательно, каждый дополнительный акт обмена, устраивающий обе стороны, — как общественно полезный, мы никогда не сможем сказать, каково суммарное количество полученных в результате выгод. Мы имеем здесь дело с приращениями, которые нельзя просуммировать, и должны принять как возможный оптимум результаты, полученные в условиях, скорее всего наиболее благоприятных для открытия новых возможностей.

Как будет действовать индивид под давлением конкуренции, с чем он столкнется в этих условиях — не знает заранее даже он сам, а тем более кто-то другой. Поэтому бессмысленно ждать от индивида, что он будет вести себя «как если бы конкуренция была», когда на самом деле ее нет, или как если бы он работал в условиях полной конкуренции, в то время как на самом деле эти условия обеспечены лишь частично. Мы увидим, в частности, что главный источник ошибки кроется здесь в представлении, что «кривая издержек» индивида есть нечто объективное, установимое посредством экспертизы, тогда как фактически она определяется лишь на основе личного знания и суждений самого индивида, которые будут совершенно иными в зависимости от того, работает ли он в условиях острой конкуренции или же один или почти один.

Хотя объяснять результаты конкуренции — одна из главных задач экономической теории (иначе именуемой каталлактикой), но рассмотренные факты резко ограничивают возможности такой теории предсказывать конкретные результаты конкуренции, которые нас как раз особенно интересуют. В самом деле, конкуренция ценна как раз тем, что

обеспечивает процедуру открытия, в которой мы не нуждались бы, будь результаты конкуренции предсказуемы. Экономическая теория, исходящая из допущения, что теоретик во всей полноте обладает знанием реальных участников процесса, конструирует модель — и тем самым проливает свет на принцип действия процедуры открытия. Эта модель интересна нам, но лишь потому, что показывает, как работает система такого рода. Прилагать же эту модель нам приходится к реальным ситуациям, в которых мы не обладаем знанием вовлеченных в них людей. Экономист-теоретик как бы заглядывает в карты всех игроков, участвующих в построенной им мысленной модели, и на этой основе делает некоторые общие заключения о характере результата. Эти заключения, вероятно, могут быть проверены на искусственно построенных моделях, но интересны они как раз там, где теоретик проверить их не в состоянии, поскольку не обладает необходимой суммой знаний, рассеянных между всеми участниками реальной игры».

Ф. Хайек

Право, законодательство и свобода
М.: ИРИСЭН, 2006. С. 389—391

Природа удивления и открытия

В 1997 г. в связи с выходом Израэла Кирцнера в отставку с должности профессора экономической теории Нью-Йоркского университета редакция журнала *Journal of Economic Literature* попросила его написать статью с кратким описанием текущего положения дел в современной австрийской школе. Так появилась статья «Предпринимательское открытие и конкурентный рыночный процесс: австрийский подход», опубликованная в журнале 5 марта того же года (том 35). Ниже мы воспроизводим важный отрывок, в котором Кирцнер объясняет фундаментальную роль удивления и открытия как свойств творческого предпринимательства. Он также отмечает, что концепция открытия, или творчества, занимает место как раз между неоклассическим обдуманым поиском информации и анархичной и калейдоскопической

концепцией рынка, которую мы находим у таких авторов, как Шэкл. Вот собственные слова Кирцнера:

«И здесь австрийский подход предлагает новый взгляд на природу *удивления* и *открытия*. Когда человек вдруг замечает то, что раньше проходило мимо его внимания, это ни в каком смысле не является преднамеренным и осознанным производством знания. Вот что происходит в этом случае: человек открывает для себя свое прежнее неведение (до этого момента ему совершенно неизвестное). *Открытие* (относящееся к прежде неизвестным прибыльным возможностям) отличается от успешного поиска (относящегося к преднамеренному и осознанному производству информации, о нехватке которой человеку известно) тем, что первое (в отличие от второго) подразумевает наличие удивления, сопутствующего осознанию того, что ты просмотрел нечто, находящееся на расстоянии вытянутой руки («Ну надо же, ведь оно было у меня под самым носом!»). Эта характерная особенность *открытия* присуща предпринимательскому процессу, посредством которого рынок движется к равновесию. Можно ли обосновать, что систематическая тенденция, формирующая последовательность приятных сюрпризов, из которых должен состоять процесс приведения рынка в равновесие, является не невероятной серией счастливых случайностей, а результатом свойственной людям естественной *бдительности* к вероятным возможностям получить прибыль (или к опасности возможного бедствия). В мире неопределенности подобная естественная бдительность проявляется в дерзости и силе воображения, которые австрийская теория приписывает предпринимателям, действующим в условиях рынка. Предпринимательская бдительность означает восприимчивость к доступным (но до сих пор не замечаемым) деловым возможностям. Предпринимательский характер человеческой деятельности указывает не просто на то обстоятельство, что деятельность протекает в безграничном и неопределенном мире, но и на то, что люди постоянно спонтанно высматривают прежде не замеченные характеристики внешней среды (настоящие и будущие), которые могут вдохновить их на новые действия. Предприниматель

непрерывно, так сказать, сканирует горизонт, будучи готов к сделать открытие, при этом не зная того, что он ищет, и не применяя никакой сознательной методики поиска. Каждое такое открытие будет сопровождаться чувством удивления (по поводу своего прежнего неосознававшегося неведения). Предпринимательское отношение всегда готово к удивлению и сюрпризам, всегда готово предпринять шаги, требующиеся для того, чтобы извлечь прибыль из этих сюрпризов. Понятие открытия, нечто среднее между преднамеренным и осознанным производством информации в стандартной теории поиска и совершенно неожиданным выигрышем в результате чистой случайности, занимает центральное место в подходе австрийской школы. Именно прибыльные возможности, созданные совершенными ранее предпринимательскими ошибками, систематически стимулируют последующие предпринимательские открытия. Запускаемый таким образом предпринимательский процесс представляет собой процесс роста взаимной осведомленности участников рынка. Притягательная сила получения чистой прибыли запускает процесс, посредством которого чистая прибыль исчезает в ходе конкуренции. Повышение взаимной осведомленности в ходе процесса предпринимательского открытия и служит источником уравнивающих свойств рынка.

Israel M. Kirzner

Entrepreneurial Discovery and the Competitive
Market Process: An Austrian Approach //
Journal of Economic Literature. Vol. XXXV
(March 1997). P. 60—85.